

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1044–1058.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 3 (2023): 1044–58.

Рецензия

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-8>

EDN IUEKFS

**Перспективы сравнительных исследований правовых изменений в
позднеимперской России: судебная реформа 1864 г. в Крыму и Поволжье**
Рецензия на: Kirmse S.B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity
in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 341 p.

Елисей Леонидович Каменецкий

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

el.kamenetsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8094-2094>

Elisei L. Kamenetskii

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

el.kamenetsky@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8094-2094>

Аннотация. Рецензируемая монография являет собой попытку представить новые методологические траектории в исследовании сложной правовой реальности Российской империи второй половины XIX в. Автор монографии уделяет особое внимание проблемам правовых изменений в условиях культурного разнообразия, избирая объектом своего исследования пореформенные Крым и Поволжье. В рецензии основной акцент сделан на ключевой концептуальной установке книги – использовании содержания понятия правового плюрализма для описания сложности правового взаимодействия общества и государства. Кроме этого, подчеркиваются трудности использования материалов судебных ведомств в рамках историко-антропологического подхода. Методология автора универсальна, а потому может быть с успехом использована историками в рамках региональных и сравнительных исследований других регионов империи.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., судебные уставы 1864 г., правовая модернизация, правовой плюрализм, этнические меньшинства

Для цитирования: *Каменецкий Е.Л.* Перспективы сравнительных исследований правовых изменений в позднеимперской России: судебная реформа 1864 г. в Крыму и Поволжье.

© Каменецкий Е.Л., 2023

© Kamenetskii E., 2023

Рецензия на: Kirmse S.B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 341 p. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 1044–1058, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-8>

Prospects for Comparative Studies of Legal Change in Late Tsarist Russia: Judicial Reform of 1864 in the Crimea and the Volga Region

Review of *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* by S.B. Kirmse (Cambridge: Cambridge University Press, 2019)

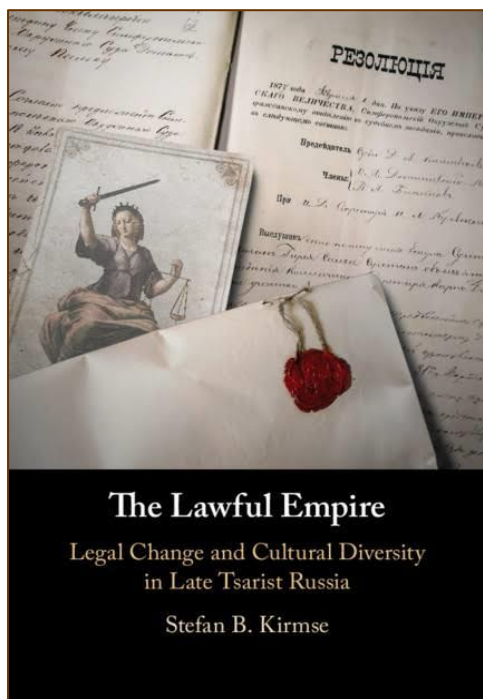
Abstract. The monograph under review makes an attempt to present new methodological trajectories in the study of the complex legal reality in the Russian Empire in the second half of the 19th century. The author of the monograph pays special attention to the problems of legal change in the conditions of cultural diversity, choosing the post-reform Crimea and Volga Region as the object of his research. The review focuses on the key conceptual principle of the book, namely the use of the content of legal pluralism to describe the complexity of the legal interaction between society and the state. In addition to this, the difficulties of using the materials of the judicial departments within the framework of the historical anthropological approach are emphasized. The author's methodology is universal, and therefore it can be further successfully used by historians in the framework of regional and comparative studies of other regions of the empire.

Keywords: judicial reform of 1864, judicial statutes of 1864, legal modernization, legal pluralism, ethnic minorities

For citation: Kamenetskii, E.L. “Prospects for Comparative Studies of Legal Change in Late Tsarist Russia: Judicial Reform of 1864 in the Crimea and the Volga Region.” Review of *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* by S.B. Kirmse (Cambridge: Cambridge University Press, 2019). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 1044–58, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-8>

Десятилетия, последовавшие за Великими реформами Александра II, являются чрезвычайно значимым временем для российской истории. Историография этого периода колоссальна и едва ли поддается подсчету, тем значительнее появление работ, способных поставить новые исследовательские задачи.

В 2019 г. немецкий исследователь С. Кирмсе (S.B. Kirmse) – сотрудник Leibniz-Zentrum Moderner Orient (немецкий исследовательский институт, расположенный в Берлине, Германия), представил книгу, посвященную правовому развитию Российской империи в 1860-х – 1890-х гг., которая бесспорно заслуживает внимания.

Профессор С. Кирмсе – известный исследователь российской истории имперской и советской эпох, специализирующийся на особенностях взаимодействия общества и государства в приграничных областях. Неслучайно, что автор, избравший объектом своего изучения преимущественно окраинные территории, очень серьезно относится к проблемам культурного разнообразия и межкультурного взаимодействия, что нашло свое отражение и в представленной монографии.

Заголовок выпущенной издательством Кембриджского университета книги – “*Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*” – весьма точно отражает

содержание исследования: в центре внимания автора оказываются поликультурные регионы – Крым и Поволжье, и то, как в них проходили правовые изменения, обусловленные судебной реформой 1864 г.

Название монографии также отсылает нас к известному труду российского историка Б.Н. Миронова и концепту «правомерного государства». Согласно Миронову, сущность правомерного государства состоит в установлении законности правления и обеспечении уже дарованных населению правовых гарантий¹. Иными словами, речь идет об устойчивом состоянии, в котором закон фактически становится единственной мерой, определяющей преступление². В этой связи действительно сложно переоценить значение судебной реформы 1864 г., создавшей новые возможности для населения в отстаивании своих прав (в том числе и перед лицом имперской администрации)³.

С. Кирмсе отмечает, что одной из задач его книги является эмпирический анализ идеи «правомерного государства», а также исследование масштабов этой «правомерности» в контексте взаимодействия населения с

¹ *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. Т. 2. С. 357–358.

² *Kirmse S.B.* *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 29.

³ *Kirmse S.B.* *The Lawful Empire*. P. 60.

государственными институтами, созданными на основании новых судебных уставов⁴.

Однако новые правовые возможности населения, возникшие в результате судебной реформы, было бы неверно интерпретировать как переход к некой единой правовой реальности. И здесь необходимо отметить, что одной из важнейших концептуальных установок автора является признание им существования в Российской империи множества правовых культур, характеризовавшихся различными способами восприятия и использования закона⁵. Речь идет о так называемом правовом плюрализме – ситуации, когда в обществе действует несколько конкурирующих правовых систем, в рамках которых люди могут выступать как субъекты правовых отношений⁶.

Сама идея правового плюрализма критикуется многими исследователями права⁷, однако на примере книги С. Кирмсе следует признать, что она может стать чрезвычайно ценным инструментом, объясняющим социальное поведение людей. Характерной чертой правового плюрализма Российской империи пореформенного периода является то, что государство стремилось к активному взаимодействию с иными правовыми культурами, которое, однако, должно было осуществляться исключительно на условиях доминирования центральной власти и регламентации способов этого взаимодействия (Кирмсе пишет об институционализированном правовом плюрализме)⁸. Например, в регионах с сильным влиянием ислама государство могло пропагандировать адат (обычное право) в качестве противовеса нормам шариата⁹; на территориях с иной ситуацией адат отвергался как архаичный в пользу исламских правовых принципов (разумеется, адаптированных к потребностям империи)¹⁰.

⁴ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 29.

⁵ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 66.

⁶ Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм в международном контексте // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / под редакцией Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. Москва: Стратегия, 2002. С. 87.

⁷ Бирюков С.В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 18.

⁸ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 66.

⁹ Подобную ситуацию можно наблюдать, например, на Северном Кавказе, где адат рассматривался как сила, способная остановить распространение норм шариата и основанного на нем движения мюридизма. См. Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. Москва: Восточная литература, 2002. С. 151.

¹⁰ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 70.

При подобном многообразии условий нельзя не признать ценность регионального и сравнительного подходов. Более того, полнота исследования империи как способа государственной организации многочисленных народов едва ли достижима вне рамок компаративной логики¹¹ и признания того факта, что империя часто не только не стремится к преодолению собственной неоднородности (мнение ряда исследователей о русификации (наравне с дискриминацией национальных меньшинств) как способе реализации интеграционной политики имперской власти, подвергается С. Кирмсе критике¹²), но и нередко целенаправленно ее культивирует¹³. Этой логикой руководствуется и автор, сопоставляя между собой Крым и Поволжье – регионы, имеющие как сходства, так и различия.

При рассмотрении этих регионов, в первую очередь обращает на себя внимание их поликультурный статус. Специфика Крыма и Поволжья, на первый взгляд сближавшая эти территории, состояла в высоком удельном весе татар в демографической структуре регионов. Однако Кирмсе указывает на ошибочность поспешного объединения разных этнических групп населения в одну, говоря об аморфности термина «татары» и о пагубном влиянии советской национальной политики, институционализировавшей этноним «татары» для обозначения различных по сути своей этнических групп¹⁴.

Исследование того, каким образом население (в основном автора интересуют именно татары) взаимодействовало с судебными ведомствами и осваивало правовые возможности, предоставленные судебной реформой, показывает, что конфигурации отношений жителей указанных регионов, местных властей, судебных ведомств и центральной администрации в Крыму и Поволжье существенно различались. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что империя стремилась осуществлять свое правление с учетом различий, а не путем жесткой интеграции и унификации, а потому проводимые реформы преломлялись сквозь специфику местных условий¹⁵. Данный вывод автора

¹¹ *Kanneler A.* Россия – многонациональная империя. Москва: Традиция; Прогресс-Традиция, 2000. С. 11.

¹² *Kirmse S.B.* *The Lawful Empire*. P. 293.

¹³ *Каспэ С.И.* Империя как политическая форма: актуальность теории // Модерные империи и их значение для современности. Аналитический доклад. Москва: Центро (Центр изучения кризисного общества), 2020. С. 41.

¹⁴ *Kirmse S.B.* *The Lawful Empire*. P. 94. Кроме этого, само использование этнонима «татары» в эту эпоху не вполне корректно соотносится с современным словоупотреблением, так как к «татарам» в имперский период относили, например, и азербайджанцев. См. *Kanneler A.* Россия – многонациональная империя. С. 13.

¹⁵ *Kirmse S.B.* *The Lawful Empire*. P. 28.

обуславливает необходимость продолжения исследований в этом направлении и включения в сравнительный анализ новых регионов: Сибири, Русского Севера, западных окраин, Средней Азии, Кавказа и т.д.

Немаловажна и дальнейшая разработка проблемы взаимодействия различных профессиональных категорий с обществом и государством. Например, С. Кирмсе уделяет внимание роли медицинских работников в рамках новой правовой системы¹⁶, а также пишет об особом значении взаимодействия судебных ведомств с уездными землемерами по вопросам установления прав собственности на землю¹⁷. Подобная логика исследований представляется перспективной, так как позволяет глубже понять механизмы взаимодействия государственных институтов и различных социальных групп. В этой связи стоит упомянуть недавно вышедшую работу Т.Г. Яковлевой, посвященную схожей проблеме – взаимодействию власти и торговцев в условиях региональной специфики Енисейской губернии¹⁸.

Углубление проблематики разнообразия и признание множественности социальных агентов – одна из важных тенденций развития исторической науки. В этой связи обращение С. Кирмсе к феномену правового плюрализма позволяет в значительной степени преодолеть некоторые стереотипы об имперском обществе как строго иерархической и бинарной системе¹⁹. В этой связи важно подчеркнуть тот факт, что многие участники правовых отношений являлись членами более чем одного правового сообщества, а потому в разных ситуациях могли обращаться в разные инстанции и демонстрировать поведение, которое С. Кирмсе определяет с помощью понятия *Forum Shopping* – выбор судебной юрисдикции в зависимости от возможных процессуальных преимуществ²⁰. Механизмы такого выбора С. Кирмсе описывает, в частности, на примере совпадения юрисдикций религиозного (мусульманского) и государственного права²¹, показывая растущую правовую субъектность населения, его готовность использовать предоставленные правовые возможности в своих целях и выбирать подходящую юрисдикцию в зависимости от предполагаемого исхода.

¹⁶ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 197–199.

¹⁷ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 220–229.

¹⁸ Яковлева Т.Г. *Торговля по правилам и без: Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2021.

¹⁹ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 21.

²⁰ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 72.

²¹ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 183–186.

К сожалению, С. Кирмсе в основном акцентирует внимание на особенностях межэтнической, межконфессиональной и межведомственной коммуникации, а, например, гендерную проблематику затрагивает лишь изредка²². Вместе с тем обращение к данной стороне правовой реальности представляется чрезвычайно актуальным, о чем свидетельствует вышедшая несколько лет назад статья А.А. Демичева и В.А. Ильюхиной²³.

Аналогичным образом это касается и многих религиозных меньшинств (в том числе и преследуемых), чье взаимодействие с государственными институтами остается вне поля зрения исследователей по причине катастрофической нехватки соответствующих свидетельств²⁴.

Однако это не единственная сложность, с которой сталкиваются историки, работающие с материалами судебных ведомств в рамках антропологической проблематики. Значительная часть находящихся в нашем распоряжении документов являются отражением почти непроницаемого юридического дискурса. Проблема состоит в том, что мышление и язык профессиональных юристов и обывателей часто имеют мало общего.

Выход из этой ситуации С. Кирмсе пытается найти в следующей установке: «мы не знаем, что думали обычные люди, но мы знаем, что они делали»²⁵. Тем самым, исследователь фиксирует ситуацию разрыва между юридической интерпретацией события и описанием произошедшего, содержащимся в следственных материалах и других источниках. Данный подход прослеживается в книге регулярно и позволяет автору объяснить многие действия людей в правовом поле через призму их предполагаемой жизненной логики.

Разумеется, такая позитивная установка имеет массу ограничений, однако сама постановка проблемы неконгруэнтности семантики юридического языка и правовых представлений обывателей представляется чрезвычайно значимой и заслуживающей дальнейшей разработки.

Кроме того, С. Кирмсе указывает и на ограниченные возможности источникового материала, имеющегося в нашем распоряжении. Несмотря на то, что зачастую фонды окружных судов даже в региональных архивах достаточно богато представлены, не всегда исследователь имеет возможность произвести

²² Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 36, 38.

²³ Демичев А.А., Ильюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 98–112.

²⁴ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 36.

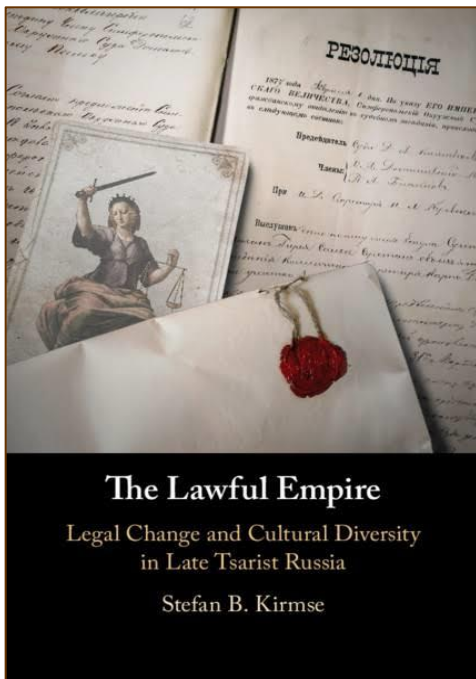
²⁵ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 35.

на их основании полноценный количественный анализ, довольствуясь лишь дореволюционной статистикой. В связи с этим С. Кирмсе в своей книге избегает широких обобщений и глобальных выводов. Несмотря на критику работ многих исследователей, например, придерживающихся позиции об антагонистическом характере взаимоотношений между татарским населением и государством²⁶, автор стремится предложить лишь новые методологические траектории, отказываясь от категорических утверждений в пользу той или иной принципиальной позиции.

Таким образом, важно признать ценность работы С. Кирмсе, имея в виду интенцию автора на исследование достаточно сложного мира правовых взаимоотношений в условиях имперской неоднородности. Несмотря на то, что книгу автора сложно отнести к какой-то устоявшейся традиции описания правовых изменений в Российской империи второй половины XIX в., она представляется нам чрезвычайно значимой для современной историографии.

²⁶ Kirmse S.B. *The Lawful Empire*. P. 31–32.

The decades that followed the Great Reforms of Alexander II were an extremely significant time in the history of the Russian Empire. The historiography of this period is colossal and the number of works can hardly be counted. That is why the appearance of works capable of formulating new research tasks is of even greater significance.

In 2019, PD Dr. Stefan B. Kirmse, senior research fellow and research coordinator at Leibniz-Zentrum Moderner Orient (a research institution in Berlin, Germany), presented a book on legal development of the Russian Empire in the period between the 1860s and the 1890s, which certainly deserves attention.

Stefan B. Kirmse is a well-known researcher of Russian history of the imperial and Soviet eras, specializing in the peculiarities of interaction between society and the state in the border areas of the country. It is no coincidence that the author, who has chosen predominantly remote territories on the border of the country as the object of his study, takes the problems of cultural diversity and intercultural interaction very seriously, which is also reflected in the presented monograph.

The title of the book published by Cambridge University Press is *Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. It quite accurately reflects the content of the study, in which the author focuses on the multicultural regions (the Crimea and the Volga region) and on how they experienced legal change as a result of the judicial reform of 1864.

The title of the monograph also refers us to the well-known work of the Soviet and Russian historian Boris N. Mironov and the concept of lawful state. According to Mironov, the essence of a lawful state is to establish the legality of government and ensure the legal guarantees already granted to the population.¹ In other words, we are talking about a steady state in which the law actually becomes the only measure that defines the crime.² In this regard, it is really difficult to overestimate the significance of the 1864 judicial reform of Alexander II, which created new opportunities for the

¹ B.N. Mironov, *Russian Empire: From Tradition to Modernity* [in Russian] (St Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015), vol. 2, 357–58.

² S.B. Kirmse, *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2019), 29.

population to defend their rights (among other things, in the face of the imperial administration).³

S. Kirmse notes that one of the objectives of his book is an empirical analysis of the idea of a lawful state as well as a study of the extent of this lawfulness in the context of the interaction of the population with state institutions established on the basis of new judicial statutes.⁴

However, it would be wrong to interpret the new legal opportunities for the population that arose as a result of the judicial reform of 1864 as a transition to some kind of unified legal reality. Here it should also be noted that one of the most important conceptual guidelines of the author is his recognition of the existence in the Russian Empire of many legal cultures that were characterized by different ways of perceiving and using the law.⁵ We are talking about the so-called legal pluralism, which is a situation when there are several competing legal systems in society and within those systems people can act as subjects of legal relations.⁶

The very idea of legal pluralism is criticized by many researchers of law.⁷ However, using the example of Kirmse's book, it should be recognized that it can become an extremely valuable tool for explaining people's social behavior. A characteristic feature of the legal pluralism of the Russian Empire in the post-reform period is that the state strove for active interaction with other legal cultures. However, that interaction had to be carried out exclusively on the basis of the dominance of the central government and the regulation of the methods of the interaction (in his work, Kirmse writes about institutionalized legal pluralism).⁸ For example, in the areas heavily influenced by Islam, adat (customary law) could be promoted by the state as a counterbalance to the existing Sharia norms.⁹ In the territories with a different

³ Kirmse, *The Lawful Empire*, 60.

⁴ Kirmse, *The Lawful Empire*, 29.

⁵ Kirmse, *The Lawful Empire*, 66.

⁶ K. von Benda-Beckmann, "Legal Pluralism in the International Context" [in Russian], in *Custom and Law. Studies on Legal Anthropology*, ed. N.I. Novikova, and V.A. Tishkov (Moscow: Strategiya, 2002), 87.

⁷ S.V. Biryukov, "On the Question of Legal Pluralism" [in Russian], *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2 (2016): 18.

⁸ Kirmse, *The Lawful Empire*, 66.

⁹ A similar situation can be observed, for example, in the North Caucasus, where adat was seen as a force capable of stopping the spread of Sharia norms and the Murid movement based on it. For more, see V.O. Bobrovnikov, *Muslims of the North Caucasus: Customs, Laws, Violence: Essays on the History and Ethnography of the Law of Nagorny Dagestan* [in Russian] (Moscow: Vostochnaya literatura, 2002), 151.

situation, adat was rejected as archaic in favor of Islamic legal principles (adapted, of course, to the needs of the empire).¹⁰

With such a variety of conditions, one cannot but recognize the value of regional and comparative approaches. Moreover, the completeness of the study of the empire as a way of state organization of numerous peoples is hardly achievable outside the framework of comparative logic¹¹ and without recognition of the fact that not only does the empire hardly seek to overcome its own heterogeneity (the opinion of a number of researchers about Russification (along with discrimination against national minorities) as a way of implementing the integration policy of the imperial power is criticized by S. Kirmse),¹² but it also purposefully cultivates it quite often.¹³ The author is also guided by this logic, comparing the Crimea and the Volga Region, which have both similarities and differences.

When considering these regions, their multicultural status attracts attention in the first place. The specificity of the Crimea and the Volga region, which made these territories look similar at first glance, consisted in the high proportion of Tatars in the demographic structure of the regions. However, Kirmse points out the mistake of the hasty unification of different ethnic groups of the population into one, speaking about the amorphousness of the term "Tatars" and the harmful influence of the Soviet national policy, which institutionalized the ethnonym "Tatars" to designate the ethnic groups that were completely different in essence.¹⁴

The study of how the population (the author is mainly interested in the Tatars) interacted with the judicial departments and mastered the legal opportunities provided by the judicial reform shows that the configuration of relations between the inhabitants of these regions, local authorities, judicial departments, and the central administration in the Crimea and the Volga Region differed significantly. Not least, this was due to the fact that the empire sought to continue its rule taking into account the existing differences rather than through rigid integration and unification, and therefore the ongoing reforms were adapted considering the specifics of local

¹⁰ Kirmse, *The Lawful Empire*, 70.

¹¹ A. Kappeler, *Russia as a Multinational Empire* [in Russian] (Moscow: Traditsiya; Progress-Traditsiya, 2000), 11.

¹² Kirmse, *The Lawful Empire*, 293.

¹³ S.I. Kaspe, "Empire as a Political Form: Relevance of the Theory]. In *Modern Empires and Their Significance for Modernity. An Analytical Report* [in Russian] (Moscow: Tsentero (Tsentr izucheniya krizisnogo obshchestva), 2020), 41.

¹⁴ Kirmse, *The Lawful Empire*, 94. Moreover, the use of the ethnonym "Tatars" in this era does not quite correctly correlate with the modern word usage, since, for example, Azerbaijanis were also referred to as Tatars in Tsarist Russia. See Kappeler, *Russia as a Multinational Empire*, 13.

conditions.¹⁵ This conclusion of the author makes it necessary to continue research in this direction and to include new regions in the comparative analysis, such as Siberia, the Russian North, the western outskirts of the empire, Central Asia, the Caucasus, etc.

The further development of the problem of the interaction of various professional categories with both society and the state is also of importance. For example, S. Kirmse pays attention to the role of medical workers within the framework of the new legal system.¹⁶ He also writes about the special significance of the interaction of judicial departments with uyezd land surveyors on the question of establishing land ownership rights.¹⁷ This logic of research seems to be promising, as it allows a deeper understanding of the mechanisms of interaction between state institutions and various social groups. In this regard, it is worth mentioning the recently published work by T. Yakovleva, devoted to a similar problem, namely the interaction of authorities and merchants in the context of the regional specifics of Yenisei Governorate.¹⁸

Deepening the problem of diversity and recognizing the plurality of social agents is one of the most important trends in the development of historical science. In this regard, S. Kirmse's appeal to the phenomenon of legal pluralism makes it possible to largely overcome some stereotypes viewing imperial society as a strictly hierarchical and binary system.¹⁹ In this respect, it is important to emphasize the fact that many participants in legal relations were members of more than one legal community. Therefore, in different situations they could apply to different authorities and demonstrate the behavior that S. Kirmse defines using the concept of *Forum Shopping*, meaning that the choice of judicial jurisdiction in every situation largely depended on possible procedural advantages.²⁰ Kirmse describes the mechanisms of such a choice, in particular, using the example of the coincidence of the jurisdictions of the religious (Muslim) law and the state law,²¹ showing the growing legal subjectivity of the population and its readiness to use the provided legal opportunities for their own purposes and therefore to choose the appropriate jurisdiction depending on the intended outcome.

¹⁵ Kirmse, *The Lawful Empire*, 28.

¹⁶ Kirmse, *The Lawful Empire*, 197–99.

¹⁷ Kirmse, *The Lawful Empire*, 220–29.

¹⁸ T.G. Yakovleva, *Trade by the Rules and by No Rules: Authorities and Merchants in Yenisei Governorate in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2021).

¹⁹ Kirmse, *The Lawful Empire*, 21.

²⁰ Kirmse, *The Lawful Empire*, 72.

²¹ Kirmse, *The Lawful Empire*, 183–86.

Unfortunately, S. Kirmse mainly focuses on the features of inter-ethnic, inter-confessional, and inter-agency communication, but, for example, gender issues are only occasionally touched upon in his work.²² At the same time, addressing this side of legal reality seems to be extremely relevant, as may be proven by the article by A. Demichev and V. Ilyukhina²³ that was published several years ago.

Similarly, this also applies to many religious minorities (including persecuted ones), whose interaction with state institutions remains out of the scope of the researchers' attention due to a catastrophic lack of relevant evidence.²⁴

However, this is not the only difficulty that historians face while working with the materials of judicial departments within the framework of anthropological problems. Most of the available documents reflect almost impenetrable legal discourse. The problem is that the way of thinking and the language of professional lawyers and that of laymen often have very little in common.

Kirmse is trying to find a way out of this situation applying to it the statement that we don't know what ordinary people thought, but we know what they did.²⁵ Thus, the researcher notes the existence of a gap between the legal interpretation of an event and the description of what happened, contained in the investigative materials and other sources. This approach is regularly found in the book and allows the author to explain many of the actions of people in the legal field through the prism of their supposed life logic.

Naturally, such a positive approach has a lot of limitations, but the very formulation of the problem of the incongruence of the semantics of the legal language and the legal ideas of the population seems to be extremely significant and worthy of further development and research.

In addition, S.Kirmse points to the limited possibilities of the available source material. Despite the fact that the collections of district courts are often quite rich even in regional archives, the researcher often does not have the opportunity to make a full-fledged quantitative analysis on their basis, and has to be content only with pre-revolutionary statistics only. In this regard, in his book, Kirmse avoids broad generalizations and global conclusions. Despite criticism of many researchers' works, for example, those who adhere to the position of the antagonistic nature of the

²² Kirmse, *The Lawful Empire*, 36, 38.

²³ A.A. Demichev, and V.A. Ilyukhina, "The Woman before the Jury Court in the Russian Empire (Revisiting the Gender Equality Principle)" [in Russian], *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, vol. 24, no. 1 (2020): 98–112.

²⁴ Kirmse, *The Lawful Empire*, 36.

²⁵ Kirmse, *The Lawful Empire*, 35.

relationship between the Tatar population and the state,²⁶ the author seeks to offer only new methodological trajectories, refusing categorical statements in favor of one or another principled position.

Thus, it is important to recognize the value of S. Kirmse's work, bearing in mind the author's intention to study the rather complex world of legal relationships in the conditions of imperial heterogeneity. Despite the fact that the author's book is difficult to attribute to some established tradition of describing legal change in the Russian Empire in the second half of the 19th century, it seems to us extremely significant for modern historiography.

Список литературы

Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм в международном контексте // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии / под редакцией Н.И. Новиковой, В.А. Тишкова. Москва: Стратегия, 2002. С. 87–95.

Бирюков С.В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 16–26.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. Москва: Восточная литература, 2002. 368 с.

Демичев А.А., Илюхина В.А. Женщина перед судом присяжных в Российской империи (к вопросу о принципе гендерного равенства) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 98–112.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Москва: Традиция; Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.

Каспэ С.И. Империя как политическая форма: актуальность теории // Модерные империи и их значение для современности. Аналитический доклад. Москва: Центеро (Центр изучения кризисного общества), 2020. С. 35–56.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. Т. 2. 912 с.

Яковлева Т.Г. Торговля по правилам и без: Власть и торговцы в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета, 2021. 462 с.

Kirmse S.B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 341 p.

References

Benda-Beckmann, von, K. "Pravovoi plyuralizm v mezhdunarodnom kontekste" [Legal pluralism in the international context]. In *Obychai i zakon. Issledovaniya po yuridicheskoi*

²⁶ Kirmse, *The Lawful Empire*, 31–32.

antropologii [Custom and law. Studies on legal anthropology], edited by N.I. Novikova, and V.A. Tishkov, 87–95. Moscow: Strategiya, 2002. (In Russian)

Biryukov, S.V. "K voprosu o pravovom plyuralizme" [On the question of legal pluralism]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 2 (2016): 16–26. (In Russian)

Bobrovnikov, V.O. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie: Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Muslims of the North Caucasus: customs, laws, violence: Essays on the history and ethnography of the law of Nagorny Dagestan]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. (In Russian)

Demichev A.A., and V.A. Ilyukhina. "Zhenshchina pered sudom prisyazhnykh v rossiiskoi imperii (k voprosu o printsipe gendernogo ravenstva)" [The woman before the jury court in the Russian Empire (revisiting the gender equality principle)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, vol. 24, no. 1 (2020): 98–112. (In Russian)

Kappeler, A. *Rossiia – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia as a multinational empire]. Moscow: Traditsiya; Progress-Traditsiya, 2000. (In Russian)

Kaspe, S.I. "Imperiya kak politicheskaya forma: aktual'nost' teorii" [Empire as a political form: relevance of the theory]. In *Modernnye imperii i ikh znachenie dlya sovremennosti. Analiticheskii doklad* [Modern empires and their significance for modernity. An analytical report], 35–56. Moscow: Tsentero (Tsentr izucheniya krizisnogo obshchestva), 2020. (In Russian)

Kirmse, S.B. *The Lawful Empire: Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern* [Russian Empire: From tradition to modernity]. 3 vols. Vol. 2. St Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. (In Russian)

Yakovleva, T.G. *Torgovlya po pravilam i bez: Vlast' i torgovtsy v Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [Trade by the rules and by no rules: Authorities and merchants in Yenisei Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries]. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2021. (In Russian)

Информация об авторе

Елисей Леонидович Каменецкий – аспирант кафедры истории и философии, <https://orcid.org/0000-0002-8094-2094>, el.kamenetsky@yandex.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия).

Information about the author

Elisei L. Kamenetskii – Postgraduate student of the Department of History and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0002-8094-2094>, el.kamenetsky@yandex.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; принята к публикации 26.06.2023.

The article was submitted 05.06.2023; accepted for publication 26.06.2023.